

Его привезли на загородный аэродром к дребезжающему полувоенному «Дугласу» с двумя рядами металлических стульев, закрытых тулупами, и с двумя кушетками в первом отсеке.

Возле двери пилотов, после молчаливого акта передачи Макгрегором таинственного пленника (по ночному городу везли с завязанными глазами; Исаеву почудилось, что дзенькал трамвай, как московская «аннушка» в те благословенные годы, когда был жив папа; странно — разве в лондонских пригородах ходят трамваи? Впрочем, почему я думаю, что это Лондон, а не Глазго или Манчестер?), капитан, назвавшийся Перфильевым, сердечно приветствовал Штирлица, и самолёт с тщательно закрытыми иллюминаторами ушёл в небо.

— К столу, Всеволод Владимирович, — Перфильев назвал его так, как последний раз называл Уншлихт в

двадцать первом, когда встретились в Реввоенсовете республики: отправляясь во Владивосток, Владимирова, впрочем, тогда уже Исаев, был по рекомендации Держинского принят зампредом РВС Склянским, а потом, минут на пять всего, его пригласил к себе наркомвоенмор Троцкий.

...На ящике, укрытом газетами, стояли бутылка коньяка, банки шпрот, сардин и крабов; сырокопченая колбаса, сыр, сало.

Потрясли Исаева яйца, сваренные вкрутую; за четверть века отвык; на Западе так не готовят...

Или оттого, что выпил он большой фужер коньяку (капитан Перфильев только пригубил: «Я ещё должен работать во время рейса, Всеволод Владимирович, не взыщите»), то ли оттого, что стало ему сейчас сладостно спокойно, ушли из головы все эти «никс фарштеен», страшные унижения в гальюне, странный Макгрегор, вон всякий сор из головы, он — неожиданно для себя — отключился; такого с ним никогда не было...

...Проснулся оттого, что капитан тёр ему уши:

— Всеволод Владимирович! Просыпайтесь! Садимся! Москва!

Было по-прежнему темно, все иллюминаторы зашторены. Когда Перфильев открыл дверь и выбросил металлическую лестничку, Исаев увидел звезды — улетал ночью, прилетел в ночь; такой же потаённый, без огней, загородный аэродром, большой автомобиль (он сразу вспомнил ЗИС-101, такие были в советском посольстве на Унтер ден Линден, немцы очень потешались); подполковника с орденскими планками.

— Товарищ Владимирова, от имени и по поручению командования разрешите сердечно поздравить вас с возвращением на родную землю! Подполковник Петров, отдан в ваше распоряжение.

— Спасибо, товарищ Петров... Сердечно благодарю за встречу... Мою семью предупредили? Мы сейчас поедим к ним?

— Командование приняло иное решение, товарищ Владимиров: нельзя травмировать вашу супругу и сына... Они считали вас погибшим, как и мы все... Их надо готовить к встрече, за это время и вы придёте в себя, поехали!

...Дачка была небольшая, уютная, две спальни, столовая и кабинет, большая веранда, на кухне — настоящая русская плита; на веранде был накрыт стол. Петров представил молоденького лейтенанта:

— Коля Штыков, стенограф; пока мы будем готовить ваших к встрече — дней семь на это уйдёт, — надиктуете отчёт о проделанной работе, поэтапно, с самого начала, на имя секретаря ЦК товарища Кузнецова. Он теперь курирует органы, герой ленинградской блокады, вы с ним вскорости увидите, он будет визировать документы на ваше звание Героя. Тогда же всё приостановилось, мы получили данные, что вы погибли тридцатого апреля...

...Исаев работал неделю с упоением; худенький Коля стонал:

— Рука отваливается, Всеволод Владимирович! Пожалейте...

— А вдруг от радости у меня сердце порвётся? Тогда как? Нельзя уносить с собою то, что знаешь, Николаша, давай помассирую пальцы, я дока в массаже.

Ещё неделю, постоянно, возрастающе требовательно торопя подполковника Петрова с переездом домой, в семью, Исаев продолжал работать: вычитывал надиктованное, дополнял, многое переписывал, работой увлёкся, просил сделать вклейки, сам дивился своей памяти, а главное, тому, что было с ним все эти четверть века; наконец, удовлетворённый, подписал труд и пододвинул его Коле.

Подполковник Петров продиктовал текст, который надо было от руки написать секретарю ЦК Кузнецову: мол, прошу ознакомиться с итогом моей работы, возможно, потребуются дополнения, я готов.

Потом улыбнулся своей открытой, доброжелательной улыбкой:

— И у меня для вас сюрприз, Всеволод Владимирович! Завтра едем домой. Сегодня день отдыха, прощальный пир с тостами.

Весь день играли в шахматы, катались в лодке по небольшому озеру, Исаев становился всё более бледным, и руки делались ледяными; выехали в одиннадцать.

Коля шепнул:

— Войдём с боем курантов, праздник так праздник!

ЗИС нёсся по безлюдной Москве, которую Исаев не видел двадцать семь лет: совершенно другой город, много широких улиц, но в новых домах чувствуется до боли знакомая фундаментальность, отличавшая арийский вкус; откуда нашим архитекторам знать берлинские ансамбли, созданные при Гитлере?!

ЗИС летел на красный свет; немногочисленные пешеходы разбегались в стороны, а шофёр то ли по рассеянности, то ли чтобы посмешить пассажиров, то ли оттого, что заметил яму, крутанул руль в лужу и окатил старика с собачкой водой, а подполковник с Колей захохотали, и это заставило Исаева заново посмотреть на их лица.

— Ничего, обсохнет, — сказал Коля каким-то новым голосом, и в это время ЗИС въехал в приоткрытые ворота.

Машину окружили военные, распахнули двери, первым вылез подполковник Петров, за ним Коля. Подполковник, направляясь к тёмному зданию, коротко бросил, кивнув на Исаева:

— Оформляйте арестованного.